

«ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ»

«НА БАЛАХ УДАЧИ И МЕЧТЫ»

Судьба театрального критика недавно занесла меня в Ханты-Мансийский автономный округ. Я долго ехала из Перми (которая для москвичей уже почти край земли) совсем уже на север. Поезд мчался мимо тощих кривых сосен, которые росли как-то вбок, как будто не могли решить: падать им или продолжать жить. Попутчики объяснили: «Болота. Неоткуда им расти – едва за землю цепляются».

Болота вплотную прилегали к рельсам и казались Кошевым царством. Бесконечность пространства угнетала. Даже дрожащие огни печальных деревень не просматривались на горизонте. Вспомнилось горестное наблюдение: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств, куда забросила нас какая-то неведомая сила...» Неприятно было чувствовать себя продуктом. А утром оказалось, что из промозглой уральской осени я приехала в яркую белоснежную зиму.

В красивом здании драматического театра я каждый вечер смотрела спектакли молодой интересной труппы. Настолько молодой, что самый старый актер едва дотягивал до возраста Христа.

В один из вечеров в малом зале собралась нарядная публика. Не та, которая нынче называется элитой в российских городах. В зале сидели те, кто работает в вузах, больницах и школах и в богатом городе нефтяников живет на бюджетные зарплаты. Лица были хорошие. Как выяснилось по ходу спектакля, это была настоящая театральная публика, сохранившая культурную память.

Молодая актриса Анна Наумова играла Эдит Пиаф в моноспектакле «Нет, я не жалею ни о чем». Автор инсценировки и режиссер-постановщик – Маргарита Зайчикова, главный режиссер театра. Художник, стильно оформивший спектакль, - Вячеслав Зайчиков. К этому времени я уже знала, что анна по настоянию мамы-папы успешно закончила юридический факультет Петербургского университета и, положив диплом к ногам родителей, заочно выучилась на актерском факультете Екатеринбургского театрального института. К таким поступкам я отношусь с уважением, но и с некоторой опаской. Русские девушки страстны в своей любви к театру. Но не всегда любовь бывает взаимной. Это мне и предстояло выяснить. И еще было интересно понять: почему Пиаф?

Любовь русских к Парижу и Франции загадочна и почти трагична. «Увидеть Париж и умереть» - каждый русский понимал это почти буквально. Тем более что в советские времена умереть было легче, чем увидеть. Париж. У№ каждого были свои парижские мифы - у кого-то импрессионисты, у кого-то праздник, который всегда с тобой, а кто-то твердо верил, что французские женщины – это тоже «увидеть и умереть», Эйфелева башня не казалась нам символом пошлости, и мы чувствовали тайную вину за

несогласие с Мопассаном. И была у нас общая любовь на всю огромную советскую страну – маленькая уличная певица, французский воробышек. Ее хрипловатый голос притягивал и манил, говоря о нашей жизни на красивом чужом языке без привычного рычащего звука «р», с которого начинались многие страшные слова (тоже, кстати, заимствованные у Франции).

В Америке есть свой мир – Мэрилин Монро. Тоже бывшая когда-то знаком чужой загадочной жизни и образом нашей авангардной поэзии. «Я Мерлин, Мерлин, Мерлин, героиня самоубийства и героина...». Про героин было не очень понятно, но все равно нравилось. Сексуальной блондинке больше симпатизировали мужчины, что вполне понятно. А женская половина советской интеллигенции обожала Пиаф – такой вот русский вариант европейского мифа. Ее тоже не преминул воспеть честный летописец эпохи Евтушенко. Но, потрясенный ее песнями, он все же помужски подметил: «Кургузая накрашенная кроха... держалась на ножках тоненьких едва...» Самим видеть ее не удалось, приходилось верить поэту, бывавшему «там».

Голос Пиаф пел о какой-то другой любви. Это не было похоже на двух девчонок, которые все танцуют, танцуют на палубе, и не пугало странными обещаниями типа: «Я тобой переболею, ненаглядный мой...»

Времена изменились. Париж многих побывавших в нем разочаровал, и умирать расхотелось. Французские женщины, если не упорствовать в своих заблуждениях, тоже оказались не совсем такими, какими представлялись в мечтах русским мужчинам.

Но любовь к Эдит Пиаф осталась в памяти, не желающей расставаться с любимыми. Осталась на старых затертых пластинках, которые уже и проиграть-то не на чем. Осталась в генах или, может быть, была унаследована с молоком матерей, кормивших своих дочек под чудесные звуки нездешних песен.

Иначе откуда в нынешних русских актрисах такая жажда – примерить судьбу и песни Пиаф к своей судьбе и своему голосу? Девять раз проходил в Перми Всероссийский фестиваль моноспектаклей. И почти на каждом фестивале актрисы читали Цветаеву, играли «Человеческий голос» Кокто или спектакль «На балу удачи» по книге Эдит Пиаф. При всей несхожести спектаклей о Пиаф их объединяло одно: неистовость воплощения.

Потом мода вроде бы прошла. Но на одном из последних фестивалей актриса из Челябинска Людмила Глушкова показала спектакль «Около Пиаф», в котором вообще-то материалом послужил роман В. Пьецуха «Государственное дитя», точнее, линия женских писем из него. А вот поди ж ты, распахивалась в финале сумка на колесиках, в которых дачницы возят в город свои плоды, и оказывалась там внутри Эйфелева башня, и звучал знакомый, чуть хрипловатый голос, сметавший на своем пути все приметы русской тоски и даривший крупные сладкие слезы всем, кто слышал его. Русские актрисы всегда «около Пиаф», всегда рядом с ее судьбой.

Анна Наумова оказалась действительно талантливой актрисой. И сыграла хороший спектакль, а не книгу воспоминаний и не жизнь

замечательных людей. Дерзкая, маленькая, похожая на воробышка, она любила, металась, капризничала, билась в истерике, так легко влезши в кожу Эдит Пиаф, что страшно было: что будет потом?

Она замечательно пела, и строгий молодой пианист деликатно аккомпанировал ей. Ее голос и точно был как будто голосом Пиаф, и так же kloкотала в нем страсть и нежность, беспомощность и отчаяние. Песни возникали не часто, в какие-то поворотные моменты судьбы, и каждая была подготовлена режиссерским сюжетом, который разворачивался внутри спектакля, параллельно сюжету о судьбе певицы. Каждая песня была шагом навстречу трагической судьбе. Каждая была прощанием с очередной иллюзией.

Молодая русская актриса, которая и родилась-то уже тогда, когда пластинки Пиаф облысели от частого использования, и проиграть их можно было только, поставив на головку проигрывателя коробок спичек, откуда-то все знала не только про Эдит, но и про нашу тоску о ней. Рядом со мной сидела женщина и под звуки «Милорда» плакала, не опуская головы и неотрывно глядя на актрису. Она плакала о чем-то своем. О своем, конечно.

Это был очень женский и очень русский спектакль. Мужчины в жизни Пиаф были обозначены элегантным манекеном мужского пола, который катала на колесиках, тормошила, поворачивала лицом к стене, переодевала актриса. Возлюбленные уходили из ее жизни, и она снова оставалась одна. И становилось ясно: неважно, кто был в каждый момент ее избранником. Вообще, все было неважно в ее жизни, кроме любви, от которой рождались не дети, а песни.

А я сидела и вспоминала, как в прошлом году, в Челябинске, на фестивале «Камерата», вечером после спектакля, в актерском клубе ужинали все участники фестиваля. Кто-то пел, кто-то показывал капустники. И вдруг вышла маленькая женщина в скромной юбке и кружевной блузке и запела... голосом Эдит. Душой Эдит. Это была народная артистка России Ольга Телякова. Забыв обо всем, ни на кого не глядя, она пела песню за песней, и перед глазами ее был Париж, а не заснеженный Челябинск. И она тоже примеряла на себя голос Пиаф и ее жизнь. Как мне сказали, у нее тоже был моноспектакль «На балу удачи».

А из угла на нее удивленно смотрела такая же маленькая птаха, Лия Ахеджакова. И, кажется, все понимала и про эту актрису, и про такие странные, как будто всплывшие из другой жизни песни. Судьба актрисы, в сущности, везде одинакова. И зависит от случайных и загадочных причин: удачи, чьей-то похвалы, чьего-то легкого толчка в спину и шепота: «Вот он, твой шанс! Иди, да не прозевай!»

Только не каждому воробышку судьба дает такой шанс. Да и труднее выжить в русскую зиму. Особенно певчим птицам.

Татьяна ТИХОНОВЕЦ